

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Добронравин

Второй тайм португальской
модернизации:
от Великого землетрясения
до британского ультиматума

Препринт М-65/18

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2018

УДК 325.36
ББК 63.3(4)
Д 56

Д 56 **Добронравин Н. А.**

Второй тайм португальской модернизации: от Великого землетрясения до британского ультиматума / Николай Добронравин : Препринт М-65/18. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 36 с. — (Серия препринтов; М-65/18; Центр исследований модернизации).

«Первый тайм» португальской модернизации («первая глобализация») в XV–XVI веках не имел национального характера, который ему обычно приписывается. Вопрос о том, как маленькое португальское государство добилось глобального доминирования, по существу лишен смысла и анахроничен.

Творцы «первой глобализации» не помышляли о славе модернизаторов. Напротив, «имперская» модернизация под руководством маркиза ди Помбала, начавшаяся в 1755 году, имела осмысленный характер. Важнейшие результаты «второго тайма» португальской модернизации — новая имперская архитектура, прежде всего в Лиссабоне, и независимая Бразилия.

Символами очередного провала можно считать Национальную библиотеку Бразилии в Рио-де-Жанейро (ее основу составила Королевская библиотека, не вернувшаяся в Лиссабон после эвакуации 1807 года) и политическую карту Африки, на которой между «лузофонными» Анголой и Мозамбиком находятся «англоязычные» Зимбабве, Замбия и Малави — наследие британского ультиматума 1890 года. С тем же ультиматумом связано и создание гимна современной Португалии.

В конечном счете «второй тайм» португальской модернизации завершился, как и первый, «концом Родины» (“*Finis Patriae*”). Однако и в этот раз, как сказано в национальном гимне, «Португалия не погибла».

Информация об авторе: Николай Александрович Добронравин — доктор филологических наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, научный сотрудник Центра исследований модернизации ЕУСПб, африканист (sokoto95@yandex.ru).

Вместо предисловия: об исторических мифах

С 8 декабря 2017 по 25 февраля 2018 года в Кремле прошла выставка под громким названием «Владыки океана. Сокровища Португальской империи XVI–XVIII веков». На ней были представлены вещи из разных собраний России, Великобритании и Португалии, а вместе с ними и португальская историческая мифология. Сразу несколько мифов содержится в самом названии: вероятно, португальцы не могли быть владыками океана на протяжении трех веков, если вспомнить, что в 1581–1640 годах Португалии как самостоятельного государства не существовало. Короли Португалии не претендовали на императорский титул вплоть до 1815 года. В каталоге выставки утверждается:

По условиям династического объединения двух корон Португалии было сохранено прежнее устройство. При Филиппе II и Филиппе III (именовавшихся в Португалии, соответственно, Филиппом I и Филиппом II) испанские власти в целом соблюдали обещанный португальцам режим автономии, старались не вмешиваться в дела Португалии и ее колоний [...]

Тем не менее утрата независимости достаточно болезненно воспринималась в стране с высоким уровнем национального самосознания, сформировавшимся не в последнюю очередь вследствие особой роли Португалии в Великих географических открытиях. К тому же присоединение к Испании сильно осложнило ее военно-политическое положение, что особенно сказалось на колониях. До 1581 года их безопасность удавалось обеспечивать, теперь же соперники Испании, англичане и голландцы, атаковали и португальские владения, защищенные хуже испанских (ведь португальские власти, успешно избегавшие европейских конфликтов, прежде не видели в этом необходимости).¹

Некоторые термины, представленные в этой цитате, в принципе не использовались в те времена либо имели иное значение (автономия,

¹ *Ведюшкин В.* Португальская колониальная империя: возникновение, расцвет и упадок // *Владыки океана. Сокровища Португальской империи XVI–XVIII вв.* М., 2017. С. 37–38.

Великие географические открытия). Крайне сомнительно утверждение о высоком уровне национального самосознания в Португалии XVI века. В 1581 году политическое образование со столицей в Лиссабоне, никогда не именовавшее себя Португальской империей, было присоединено не к Испании, а к империи Габсбургов. С XII века историческая Португалия была одним из королевств Испании; португальцы «первого тайма» противопоставляли себя не испанцам вообще, а жителям Кастилии и других королевств, расположенных на Пиренейском полуострове. В XV–XVI веках португальское королевство постоянно находилось под угрозой растворения в составе объединенной Испании, а затем и общеевропейской империи Габсбургов. В итоге Габсбурги присоединили всю Португалию и основную часть исторической Фландрии, но так и не смогли покорить Англию, укрепив в этой островной стране представление о прямом родстве с Господом Богом. В XVII веке (по мере усиления конфликта между Лиссабоном и Мадридом) национальное чувство, выходявшее за рамки гордости за свое королевство, начало просыпаться и в Португалии.²

До присоединения к Габсбургскому «европейскому союзу» Португалия действительно избегала конфликтов с Англией и Нидерландами (точнее, с Фландрией) по той причине, что три страны Атлантической Европы находились в прочном взаимовыгодном союзе. Что касается защищенности заморских владений, ее не следует недооценивать. В XVI веке в этом смогли убедиться голландцы, стремившиеся захватить все португальские крепости в странах Азии, Африки и Южной Америки.

Впрочем, при всех критических замечаниях заслуживают особого внимания заключительные слова Владимира Ведюшкина об истории Португалии после 1755 года:

Восстановление, а точнее, строительство нового Лиссабона было организовано на новых началах маркизом Помбалом, который при короле Жозе I (1750–1777) сосредоточил в своих руках реальную власть. На смену средневековому лабиринту узких улочек пришли ансамбли широких прямых магистралей и просторных площадей, застроенных единообразными зданиями. Чтобы выдержать этот грандиозный градостроительный проект во всей его строгости, Помбал распорядился снести на реконструируемой территории даже те дома, которые пощадило землетрясение. В результате центральная часть Лиссабона стала подлинным «городом

² О становлении национальной мифологии, в том числе в Англии и Португалии, см., например: *Травин Д. Я.* Просуществовет ли путинская система до 2042 года? СПб., 2016. С. 192–193.

Просвещения», спланированным и выстроенным на основе Разума. При Помбале в Португалии была реформирована инквизиция, изгнаны иезуиты и отменено рабство (сохраненное, однако, в колониях), созданы Астрономическая обсерватория, Музей естественной истории, Ботанический сад. Но это были уже другой Лиссабон, другая Португалия и, соответственно, другая колониальная империя.³

Таким образом, в истории Португалии предлагается различать два имперских периода — до и после Помбала.

Существуют и другие варианты хронологии. Например, Жозе Эрману Сарайва в «Истории Португалии» выделил следующие периоды до начала XX века: «Атлантическая экспансия (1385–1498); Восточная монополия (1498–1580); Испанское господство и Реставрация (1580–1668); Абсолютная монархия (1668–1777); Конец «Старого режима» (1777–1820); Конституционная монархия (1820–1910)».⁴ Леонор Фрейри Кошта, Педру Лайнш и Сузана Мунк Миранда в «Экономической истории Португалии» используют другое деление: «Средневековая экономика (1143–1500); Век глобализации (1500–1620); Война и Реставрация (1620–1703); Атлантическая экономика (1703–1807); Рост либерализма (1807–1914)».⁵ Гэбриэл Пакетт определил период примерно с 1770 по 1850 год как эпоху «атлантических революций»: «В то время, как британская, французская и испанская атлантические империи были разорваны в Эпоху революций, Португалия неуклонно проводила реформы, чтобы теснее связать свои американские, африканские и европейские территории» (в оригинале — “As the British, French, and Spanish Atlantic empires were torn apart in the Age of Revolutions, Portugal steadily pursued reforms to tie its American, African, and European territories more closely together”).⁶ Недостаток всех перечисленных подходов, вероятно, состоит в том, что в них совершенно не видна роль Помбала в португальской истории.

С 1755 года Себастьян Жозе ди Карвалью и Мелу, первый граф ди Оэйраш, первый маркиз ди Помбал (1699–1782) фактически управлял

³ *Ведюшкин В.* Португальская колониальная империя: возникновение, расцвет и упадок // Владыки океана. Сокровища Португальской империи XVI–XVIII вв. М., 2017. С. 48.

⁴ *Сарайва Ж. Э.* История Португалии. М., 2007.

⁵ *Costa L. F., Lains P., Miranda S. M.* An Economic History of Portugal, 1143–2010. Cambridge, 2016.

⁶ *Paquette G.* Imperial Portugal in the Age of Atlantic Revolutions: The Luso-Brazilian World, c. 1770–1850. Cambridge, 2013. P. i.

владениями короля Жозе I в Европе, Африке, Азии и Южной Америке. «Второй тайм» португальской модернизации имел осмысленный характер. Помбал проводил реформы посредством многочисленных законодательных актов (разумеется, от имени короля). Главные цели Помбала можно кратко обрисовать так:

- укрепить единство государства (в первую очередь путем унификации его составных частей, разбросанных по четырем континентам);
- покончить с наиболее архаичными сословными барьерами и, в частности, с дискриминацией «новых христиан»;
- реформировать систему образования;
- уменьшить экономическую и политическую зависимость от Англии;
- защитить внешние границы от угрозы испанского вторжения (во времена Помбала Испания, уже в современном смысле слова, была главным врагом Португалии).

Известные и в наши дни, но далеко не главные, компоненты помбализма — переустройство городов и борьба с иезуитами.

В российской литературе маркиза ди Помбала нередко сравнивали с Петром I:

Де Помбал! «Культовое» слово Лис[с]абона, имя, которое встречается в городе на каждом шагу, что правильно, ибо Помбал для Португалии, что Петр для России: человек, который за уши вытащил страну из болота и спустил на чистую воду в свободное плавание.

Премьер-министр при дворе очередного Жозе-короля с 1750 по 1777-й, дипломат с опытом работы в Лондоне и Вене, этот Помбал, женатый на австриячке, как бог-отец, дал жизнь всему, что стало быть в стране с его приходом к власти.

Ему, как и Петру, до всего было дело.

Утром он разбивает ботанический сад в итальянском стиле, а ночью сидит на допросах в подвале Святого Иеронима. Вчера его видели за посадкой тутовых деревьев на корм шелкопряду, а сегодня он открывает факультет естественных наук в Коимбре.

Да, он был страстным сторонником просвещенной монархии и сеял «разумное, доброе, вечное» не без картечи. Да, в эпоху его правления тюрмы под завязку были забиты старой дворянской знатью, которая не желала «брить бороды». Но. Это Помбал уравнил в правах «старых» и «новых» христиан. Это Помбал объявил, что торговля достойна дворянина и «курс валюты» не химера, а наука. Это Помбал навел порядок на виноградниках в верховьях реки Дууро, после чего знаменитый портвейн стал наконец-то не

пойлом для англичан, а португальской маркой, контролируемой по происхождению. Это Помбал открыл начальные и средние школы в свободный доступ. И, наконец, именно Помбал поставил точку в гнусной истории португальской инквизиции, изгнав из города в 1759 году всех иезуитов.⁷

Этот панегирик отражает современные представления о Помбале, привычные как для самих португальцев, так и для туристов, знакомых с португальскими путеводителями. Правда, нет оснований обвинять иезуитов в деятельности инквизиции и преувеличивать успехи в производстве портвейна. Кроме того, Помбал был лишь первым министром, но отнюдь не абсолютным правителем страны. Помбализм побеждал до тех пор, пока его осеняло величие короны.

Среди покровителей Помбала часто упоминается Мария Анна Австрийская (1683–1754), королева Португалии, жена короля Жуана V, тетка императрицы Марии Терезии. С 1742 года и до смерти Жуана V королева фактически правила страной, а затем выполняла роль регента при своем сыне Жозе I. Иногда утверждается, что восхождение Помбала обеспечил духовник Жуана IV ораторианский священник Нери Домингуш Перейра.⁸ Конгрегация ораторианцев была основана в 1564 году, в Португалии ее статуты утвердил в 1672 году король Жуан IV. Одним из наставников Помбала был посол Португалии во Франции Луиш да Кунья, по выражению Ж. Э. Сарайвы, «человек весьма острого ума»⁹, рекомендовавший будущего маркиза на пост первого министра королевства.

Как полагает британский историк Кеннет Максвелл, Помбалу помогли возвыситься его братья Паулу ди Карвалью и Мендонса (1702–1770) и Франшишку Шавьер ди Мендонса Фуртадо (1700–1769). Паулу ди Карвалью был кардиналом (при папе Клименте XIV), генеральным инквизитором и президентом муниципального совета Лиссабона (после его смерти президентом совета стал старший сын Помбала). Мендонса Фуртадо был губернатором и генеральным капитаном областей Гран-Пара и Мараньян в современной Бразилии. В 1738 году двоюродный брат будущего маркиза ди Помбала, посол Португалии в Лондоне Марку Антониу ди Азеведу Котинью был назначен государственным секретарем по ино-

⁷ Шульпяков Г. Закат Европы // Независимая газета. 18.04.2002. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2002-04-18/3_europe.html?id_user=Y (дата обращения: 15.03.2018).

⁸ *Barbosa S. R. S. A Legislação Pombalina e a Reforma dos Estudos Menores // REVEC — Revista de Estudos da Cultura. 2016. № 4. P. 163.*

⁹ *Сарайва Ж. Э. История Португалии. М., 2007. С. 229.*

странным и военным делам. Вместо нового госсекретаря послом в Англии стал Помбал.¹⁰

Помбал был дважды женат, первый раз на бездетной вдове из знатной семьи Норонья. После ее смерти, во время своего пребывания в Вене, он женился на графине Даун, племяннице известного австрийского военачальника и министра, проводившего военную реформу. Второй брак Помбала благословила императрица Мария Терезия.

На дипломатическом посту в Лондоне (в 1739–1744 годы) Помбал мог наблюдать зависимость Португалии от Англии, читал сочинения меркантилистов (по-французски), безуспешно пытался получить британскую поддержку для защиты Португальской Индии от маратхов (в борьбе с ними в 1740 году погиб младший брат Помбала Жозе Жоакин ди Карвалью).

После Лондона Помбал был назначен посланником Португалии в Вене. Там он выступал посредником в решении спорных вопросов между императрицей Марией Терезией и Святым Престолом и стал другом герцога Силва Тарока (этот титул получил в Австрии уроженец Португалии Мануэл Телиш да Силва). Герцог Силва Тарока занимал пост президента совета Нидерландов и Италии и был доверенным лицом Марии Терезии. Именно он устроил брак Помбала с графиней Даун. Как полагает Кеннет Максвелл, «значение австрийских связей Помбала для его реформ недостаточно оценено».¹¹

В 1749 году, сославшись на скверный восточноевропейский климат, Помбал вернулся в Лиссабон незадолго до смерти Жуана V. В 1750 году новый король Жозе I назначил Помбала госсекретарем по иностранным и военным делам, в 1756 — госсекретарем по внутренним делам. По мере своего возвышения бывший дипломат получал учрежденные специально для него титулы. Сначала он стал первым графом ди Оэйраш, а затем и первым маркизом ди Помбалом.

Лиссабонская катастрофа 1755 года и успехи помбализма

Существуют разные представления о состоянии Португалии к началу реформ Помбала. Французский историк Фернан Бродель писал:

¹⁰ *Maxwell K. Pombal, Paradox of the Enlightenment. Cambridge, 1995. P. 3.*

¹¹ О лондонском и венском периодах биографии Помбала см.: *Maxwell K. Pombal, Paradox of the Enlightenment. Cambridge, 1995. P. 6–10.*

Португалия XVIII в. — где не было структурной новизны, но к выгоде которой расширялась эксплуатация Бразилии, — пользовалась доходом на душу населения, без сомнения превосходившим такой доход во Франции. И король Португальский был, вероятно, богатейшим государем Европы. Относительно такой Португалии вы не можете говорить ни о развитии, ни о движении вспять; не более чем о сегодняшнем Кувейте, имеющем, однако, самый высокий в мире доход на душу населения.¹²

Пожалуй, намного чаще утверждается, что Португалия пребывала в плачевном состоянии. Во всяком случае, с точки зрения церковных деятелей того времени, в стране царили разврат и прочие беззакония. Инквизиция слабела. В отношении протестантов, оказавшихся в Португалии, принимались меры увещательного характера, но серьезного наказания они не несли. Страна все больше напоминала английский протекторат и сырьевой придаток.

1755 год изменил всё. Во-первых, погибла столица. Во-вторых, выяснилось, что перед такой стихией, как землетрясение с последовавшим за ним цунами, равны представители всех сословий. Парадоксом казалось то, что не были разрушены публичные дома, тогда как большинство церквей лежало в руинах.

Согласно легенде, будущий маркиз де Помбал ответил королю Жозе I на вопрос о том, что же теперь делать: «Похоронить мертвых, позаботиться о живых и закрыть порты» (“Sepultar os mortos, cuidar dos vivos e fechar os portos”). Скорее всего, фраза принадлежала не Помбалу, но в историю она вошла как сигнал к началу решительных преобразований. В одном из учебных изданий, посвященных испанской и португальской литературе, применительно к реформам используется удачная формулировка «Маркиз де Помбал и заря модернизации» (“The marquis of Pombal and the dawn of modernization”).¹³ Помбал заново отстроил Лиссабон, конфисковал земли у прежних собственников и проложил новые широкие магистрали (для сравнения: в Париже такие проспекты появились лишь столетие спустя).

После 1755 года во владениях короля Жозе I была проведена реформа образования, связанная с изгнанием иезуитов. Этот влиятельный орден действовал в Португалии с 1544 года. Учителя-иезуиты были

¹² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 308.

¹³ Moss J. (ed.). Spanish and Portuguese Literatures and Their Times: (The Iberian Peninsula). Detroit, 2002. P. 128.

официально приравнены к профессорам и советникам Университета Коимбры.¹⁴ В американских владениях португальской короны иезуиты появились в 1549 году. Они успешно христианизировали индейцев и защищали их от рабства, создав так называемое «иезуитское государство». В XVII веке иезуиты постоянно враждовали с жителями Сан-Паулу и Мараньяна, которые нуждались в рабах. В 1639 году иезуитов на пятнадцать лет изгнали из Сан-Паулу, в 1661 — на два года из Мараньяна. При Помбале в 1759 году иезуиты были изгнаны из всех стран, подчинявшихся португальской короне, их имущество было конфисковано властями.¹⁵ В 1773 году папа Климент XIII упразднил орден.

Помбал изгнал иезуитов, опираясь на традиции регализма (португальские короли управляли церковью в своих владениях). В системе образования иезуитов сначала заменил орден ораторианцев, но затем и они подверглись репрессиям (с 1766 года). На первом этапе образовательной реформы, с 1759 по 1771 год, были открыты классы грамматики и риторики, создан Благородный колледж (для обучения всех дворян, а не только аристократии). На втором этапе, с 1772 года, были открыты государственные школы. Учителя, которые давали частные уроки без публичной экспертизы, подвергались штрафу; рецидивистов высылали в Анголу сроком на пять лет.¹⁶ Доступ к образованию зависел от социального положения (от начатков грамотности до университета). Параллельно был изменен статус португальского языка. В 1758 году он был объявлен единственным официальным языком Бразилии, использование бытовавшего прежде так называемого «лингва жерал» («общего языка»), родственного современному языку гуарани в Парагвае, было запрещено. От «лингва жерал» в современной Бразилии сохранилось множество географических названий (Итамарати, Итапажипе, Карагвататуба и др.), но сам язык практически исчез.

Разрушив прежние сословные барьеры, Помбал (именем короля) ликвидировал различия между «старыми христианами» и потомками евреев, реформировал судебную систему. Была проведена реформа в

¹⁴ *Barbosa S. R. S. A Legislação Pombalina e a Reforma dos Estudos Menores // REVEC — Revista de Estudos da Cultura. 2016. № 4. P. 160.*

¹⁵ *Томас А. Б. Колониальная Бразилия (1580–1808). Цит. по: История Бразилии / сост. С. А. Шумов, П. А. Андреев. М.; Киев, 2003. С. 193.*

¹⁶ *Barbosa S. R. S. A Legislação Pombalina e a Reforma dos Estudos Menores // REVEC — Revista de Estudos da Cultura. 2016. № 4. P. 155–167; Barbosa S. R. S. Humanidades Pombalinas no Brasil-colônia: A Instituição da Profissão Docente e o Ensino de Latim. Curitiba, 2018.*

сфере прав собственности, введены ограничения на передачу имущества в дар церкви.¹⁷ В 1772 году была введена королевская цензура, инквизиция лишилась права выносить смертные приговоры. Последними жертвами приговора инквизиции стали Габриэль Малагрида (за книгу о землетрясении 1755 года, хотя она была издана после королевской, епархиальной и инквизиторской цензуры) и граф ди Оливейра (за брошюру, в которой землетрясение было названо наказанием католикам за идолопоклонство). Их казнь состоялась в 1761 году. В отличие от иезуита Малагриды, сам граф, живший в Англии и принявший протестантизм, физически не пострадал, было сожжено лишь его изображение.¹⁸

Проводя реформы, Помбал не ограничился репрессиями в отношении иезуитов и ораторианцев. Незадолго до изгнания иезуитов, в 1758 году, было совершено неудачное покушение на короля. В его организации обвинили герцога де Авейру и маркизов де Тавора, якобы связанных с иезуитами. Обвиняемые были казнены, их имущество конфисковано.¹⁹ Жестко подавлялось недовольство деятельностью торговых компаний — в частности, волнения 1757 года в Порту против виноторговой монополии (в их организации власти также обвинили иезуитов).

Помбализм в экономике: победа меркантилизма в отдельно взятой стране?

Португалия накануне реформ Помбала была типичной страной «ресурсного проклятия». Главным португальским (точнее, бразильским) сырьем тогда было золото. Экспорт бразильского золота (с 1699 года) и алмазов (с 1730 года) привел к падению цен на них в Европе. Добычей золота и алмазов занимался частный бизнес, государство получало так называемую «бразильскую пятину». Бизнес умело уходил от налога. В декабре 1750 года корона приняла предложение, сделанное жителями капитанства Минас-Жерайс еще в 1734 году, и установила фиксирован-

¹⁷ *Costa L. F., Lains P., Miranda S. M. An Economic History of Portugal, 1143–2010. Cambridge, 2016. P. 172.*

¹⁸ *Тавареш Р.* Небольшая книга о великом землетрясении. Очерк 1755 года. СПб., 2009. С. 147–161.

¹⁹ О судьбе дома Тавора см.: *Нортон Ж.* Последний из рода Тавора. Жизнь маркиза Педру де Алорна. Интриги, заговоры и трагедии во времена наполеоновских нашествий от Португалии до России. М., 2012.

ный налог в размере 100 арроб (1465,6 килограмма) золота в год. Поступление этого налога должны были гарантировать муниципальные советы капитанств. Они же большинством голосов избирали администрацию «литейных домов», где должно было выплавляться все золото. Сбор налога был отдан в руки местного бизнеса.²⁰ Однако и новый подход не привел к улучшению отношению между бизнесом и государством:

Усилия и репрессивные меры, направленные на борьбу с контрабандой и на обеспечение уплаты налогов, всегда были ненавистны золотоискателям и породили недовольство португальскими властями, которое, начиная с «золотого периода», не переставая росло в Бразилии.²¹

Помбал стремился развивать промышленность, приглашал иностранных специалистов. В 1788 году число фабрик достигло 422, но не использовались паровые машины, что гарантировало отставание от Англии.²² Как пишет британский историк-африканист Дэвид Бирмингем, «промышленное развитие было также нацелено на то, чтобы сделать Португалию менее зависимой от импорта железа из России и Испании, создав литейный завод в Анголе». Здания были построены, но мастера-баски стали жертвами малярии.²³

Еще до 1755 года португальские короли поддерживали создание торговых компаний. В этом плане Помбал не был первопроходцем, но он внедрил такую систему во всех отраслях экономики. Были образованы Генеральная компания по торговле с Гран-Пара и Мараньяном (1755), Генеральная компания виноградарства Верхнего Дору (1756), Генеральная компания Королевского рыболовства Королевства Алгарве (1773). Все эти компании были ликвидированы после удаления Помбала от власти.

Успех компаний зависел не только от природных катаклизмов, но и от политической ситуации и личных коммерческих интересов самого Помбала. Например, созданная в 1753 году Компания по торговле с Португальской Азией должна была контролировать ведение дел с Государством Индия, объединявшим азиатские и часть африканских владений, и с Китаем. Фелисиану Велью Ольденберг (сын беженца из Германии) и пять его партнеров получили право торговать с Индией и Китаем на

²⁰ Maxwell K. Pombal, *Paradox of the Enlightenment*. Cambridge, 1995. P. 55–56.

²¹ Сарайва Ж. Э. История Португалии. М., 2007. С. 219–220.

²² Там же. С. 234–235.

²³ Birmingham D. *A Concise History of Portugal*. Cambridge, 2018. P. 93–95.

десять лет. Однако в результате цунами и землетрясения в 1755 году суда и товары компании погибли в порту Лиссабона; сын главы компании принял участие в заговоре против Помбала. В итоге в 1760 году и компания, и ее основной акционер обанкротились, не получив поддержки от государства.

Любимым детищем Помбала была компания Верхнего Дору. Как отметил Бирмингем, Помбал настаивал на том, чтобы производство портвейна не выходило за пределы установленного винодельческого района, но включил в этот район и свои собственные виноградники, находившиеся вдали от долины реки Дору. Допускалось производство только белого или только красного вина, запрещались импорт вина и применение удобрений. И все же английские виноторговцы продолжали добавлять к винам французский коньяк. В американских владениях португальской короны охотно покупали более качественные контрабандные вина из Франции и Испании. Разорившиеся крестьяне были вынуждены покидать свои земли. В то же время деятельность компании Верхнего Дору была выгодной для ее администрации и английских торговых домов, помогла создать «новый средний класс» (Pombal's new middle class), повысила популярность портвейна в общежитиях Оксфорда и Кембриджа, что, в свою очередь, привело к росту заболеваемости подагрой в Англии. Бирмингем писал:

Винная компания Дору была самым влиятельным, самым долговечным и самым непопулярным из торговых предприятий Помбала. Английское высшее общество в Порту ненавидело ее и несправедливо обвиняло Помбала в патологической ксенофобии. В действительности, именно прагматизм Помбала позволил англичанам выжить и процветать в их прекрасных загородных домах, отрезанных от туземцев коваными воротами.²⁴

Экспорт портвейна рос. В то же время Португалия импортировала зерно, сначала из Северной Европы, а затем из британских владений в Северной Америке (в обмен на портвейн). В итоге зависимость от Англии не уменьшалась. Большинство населения Португалии продолжало вести натуральное хозяйство. Дороги находились в ужасном состоянии, не было регулярного почтового сообщения даже между Лиссабоном и таким важным городом, как Коимбра (около 200 километров).

²⁴ Ibid. P. 92–93.

Авторы «Экономической истории Португалии» подробно остановились на фискальной политике второй половины XVIII века. В частности, они писали:

Семилетняя война дала маркизу Помбалу возможность реформировать систему сбора и определить ставку, идентичную той, которая была введена во времена внешней угрозы. Поэтому королевское право на пятую часть золота, добытого в Бразилии, имело финансовый эффект, эквивалентный подоходному налогу, взимаемому в королевстве. Наконец, табачная монополия на внутреннем рынке оказалась еще одним значительным вкладом колониальной империи в государственное финансирование. Она достигла большего эффекта, чем золото, в среднем составляя 16 процентов. Только таможенные пошлины финансировали больше, 29 процентов. Короче говоря, рассматривая [право на] пятую часть золота, монополию на табак и пау-бразил²⁵ (обе отданы на откуп синдикатам коммерсантов) и таможенные пошлины, мы видим, что государственные финансы главным образом зависели от внешних сношений и связей с империей (62 процента).

Между администрацией Помбала и концом Старого режима эти источники претерпели некоторые изменения. [...] Таможенные пошлины в 1804 году были более значительными, чем в 1760-х и 1770-х годах. Поступления от этого налога увеличились с 29 до 42 процентов.²⁶

Войны, административно-территориальные реформы и поиск центра империи

В 1787 году шотландец французского происхождения Джеймс Феррье, служивший в армии при Помбале, опубликовал под псевдонимом свои наблюдения о Португалии. Феррье писал:

Два города, Лиссабон и Порту могут справедливо считаться двумя глазами Португалии: здесь сконцентрировано все богатство страны и вся их торговля с иностранными государствами и их собственными владениями в Бразилиях (in the Brazils); от последних особенно зависит все их существование как народа и непосредственная поддержка трона. Разумный португальский писатель, чьи рукописные произведения находятся в руках его друзей (но ничто из этого он не осмеливается предложить для издания, хорошо зная, что их не пропустят) сравнивает, весьма метко, все их коро-

²⁵ Бразильское дерево, использовавшееся для получения красителей и ценной древесины.

²⁶ *Costa L. F., Lains P., Miranda S. M. An Economic History of Portugal, 1143–2010. Cambridge, 2016. P. 219.*

левство с одним из таких пауков, которые имеют большое тело, содержащее всю субстанцию (столицу) с чрезвычайно длинными, тонкими и слабыми ногами, протянувшимися на большое расстояние, но бесполезными, которыми он едва ли способен шевелить.²⁷

Судя по этому описанию, у империи, которую фактически заново создавал Помбал, было два экономических центра (Лиссабон и Порту) и еще один жизненно важный центр в «Бразилиях». С другой точки зрения, Лиссабон был «телом» государства, уподобленного пауку на длинных, но бесполезных ногах.

Несколько иного мнения придерживался французский военный моряк Шарль-Кристиан де Куртиль де Бесси, который посетил Лиссабон в 1755 году перед Великим землетрясением:

Это скорее провинция, чем королевство. Можно сказать, что король Португалии является властелином Индий, который пользуется землей в Европе. Но огромные и богатые государства, подчиненные его власти в Новом Свете, такие как Бразилия, Рио-[де]-Жанейро, Залив Всех Святых,²⁸ Гоа, Мадейра в Африке, Азоры на нашем континенте, делают его значительным правителем, и он был бы среди [правителей] морских держав Европы, если бы знал цену своим владениям. Бразилия снабжает своего монарха алмазами и огромным количеством золота. [...] Португалия образует центр для Франции и Испании.²⁹

Судя по записке де Бесси, центральное положение Португалии было связано с потенциалом Лиссабона как прекрасного морского порта. В то же время в финансово-экономическом плане португальский король казался французскому моряку не столько европейским, сколько «индийским» правителем.

В любом случае владения португальских королей представляли собой весьма странное политическое образование. Его столица (Лиссабон) была отделена Атлантическим океаном от главного экономического центра (Бразилии).

²⁷ *Costigan A. W. [Ferrier D.] Sketches of Society and Manners in Portugal. In a Series of Letters. London, 1787. Vol. 1. P. 285–286.*

²⁸ Имеются в виду город Салвадор (историческая Баия-ди-тодус-ус-сантус) и штат Баия в современной Бразилии.

²⁹ *Bourdon A.-A. Description de Lisbonne extraite du Journal de la Campagne des Vaisseaux du Roy en 1755, par le Chevalier des Courtils // Bulletin des études portugaises. 1965. Vol. 26. P. 159.*

Присоединить и Португалию, и Бразилию, и все прочие «ноги паука» постоянно стремились короли Испании. Испанцы регулярно нападали на пограничные области «Бразилий». В свою очередь, португальцы неуклонно осваивали внутренние территории Южной Америки, формально принадлежавшие Габсбургам, а затем Бурбонам. Еще в 1680 году на северном побережье Ла-Платы «бразильцы» основали город Колония-ду-Сакраменту (в современном Уругвае), откуда было удобно вести контрабандную торговлю с испанским Буэнос-Айресом. Испанцы много раз пытались ликвидировать этот анклав на своей территории.

В 1750 году Испания и Португалия подписали Мадридский договор, казалось бы определивший границы между их владениями в Америке. Против этого договора выступал Помбал; в 1759 году договор был отменен. В ходе Семилетней войны Португалия, находившаяся в союзе с Великобританией, безуспешно стремилась сохранить нейтралитет. В 1761–1763 годах произошла очередная испано-португальская война. В 1762 году в Португалию вторглись объединенные силы Испании и Франции, которым противостояла англо-португальская армия. После Семилетней войны командовавший этой армией граф Вильгельм Шаумбург-Липпе в течение года занимался обучением португальских войск. Следующая испано-португальская война началась в 1776 году, незадолго до смерти Жозе I и опалы Помбала.

Чтобы защитить Португалию от постоянной испанской угрозы и укрепить единство государства, Помбал провел масштабные административно-территориальные реформы. В 1773 году были упразднены фискальные различия между собственно Португалией и королевством Алгарви. Еще сохранялись таможенные барьеры, разделявшие африканские и азиатские владения португальской короны. Однако с 1765 года суда, получившие разрешение, могли свободно плавать между портами, в которых торговые компании не пользовались исключительными правами.

Помбал фактически играл роль отца современной Бразилии. В 1763 году столицей всех португальских владений в Южной Америке стал Рио-де-Жанейро. Для защиты от испанских нападений на юге Бразилии было образовано особое капитанство Риу-Гранди-ду-Сул.³⁰ При Помбале была создана единая государственная почтовая служба, которая связала порты и внутренние области Южной Америки, находившиеся под кон-

³⁰ *Томас А. Б.* Колониальная Бразилия (1580–1808). Цит. по: История Бразилии / сост. С. А. Шумов, Р. А. Андреев. М.; Киев, 2003. С. 181.

тролем португальцев.³¹ В 1758 году было отменено рабство индейцев. Политика Помбала была направлена на то, чтобы приобщить туземцев к цивилизации. По оценке бразильских исследователей, целью этой политики было, в частности, обратить индейцев в христианство, заставить их говорить по-португальски, строить дома как у белых (для отдельных семей), носить одежду, отказаться от пьянства и безделья, дать индейцам португальские имена и фамилии, отделить индейцев от чернокожего населения, также разрешить белым селиться на индейских землях.³²

Португальские политики XVIII века, в том числе наставник Помбала Луиш ла Кунья, предлагали перенести столицу государства в Южную Америку. В конечном счете такой перенос произошел в совершенно других исторических условиях, через несколько десятилетий после падения Помбала.

Мария I Безумная (Благочестивая), опала Помбала и «Поворот»

После смерти короля Жозе I в 1777 году в истории Португалии наступил период, известный как «Поворот» (Viradeira). К власти пришли королева Мария I Безумная, или Благочестивая (1734–1816), дочь Жозе I и племянница короля Испании Карла III, и ее муж, король-консорт Педру III (1717–1786). Педру III, родной брат Жозе I, женился на племяннице с разрешения папы римского, поскольку у покойного короля не было детей мужского пола. Яркое и краткое описание правившей супружеской пары можно встретить в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона:

Королева была слабоумна, П. [Педру III] — ограниченный ханжа. Важнейшие государственные должности поручались клерикалам; государственные люди, сидевшие в тюрьмах за участие в заговорах или за сопротивление реформам, были освобождены и заняли первые места.³³

³¹ *Paquette G.* Imperial Portugal in the Age of Atlantic Revolutions: The Luso-Brazilian World, c. 1770–1850. Cambridge, 2013. P. 50.

³² *Souza P. D. dos S., Lobo T.* Da aplicação do Diretório Pombalino ao Estado do Brasil: povos indígenas e políticas linguísticas no século XVIII // *A Cor das Letras.* 2016. № 1. P. 47.

³³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1898. Т. 23. С. 89. Цит. по: URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Педро_III_Король_португальский (дата обращения: 10.03.2017).

Помбал был отстранен от власти, обвинен, если выразаться современным языком, в коррупции, лишен титулов и приговорен к смертной казни. Затем бывшего маркиза сослали в собственное имение, где он вскоре умер.

Торговые компании, созданные при Помбале, были ликвидированы. Репрессии против ораторианцев прекратились, аристократия была восстановлена в правах. Тем не менее нет оснований утверждать, что все реформы были прекращены. И все же многие помбалисты сохранили свои посты и титулы, семья бывшего маркиза не подверглась преследованиям. В Лиссабоне был основан Музей естественной истории, объединенный с ботаническим садом, созданным при Помбале. Португальские власти продолжали борьбу против английского засилья в экономике, в частности увеличивая чеканку серебряной монеты вместо золотых денег:

[...] англичане «не находят никакой выгоды в [обратном ввозе] серебра, но [жаждут] лишь золота. Это малая война, каковую Португалия втихомолку ведет против них», — заключает русский консул в Лис[s]абоне [...]. В декабре 1791 г. он пишет: «Фрегат “Пегасус”, быть может, первый с тех пор, как существуют торговые отношения между обеими странами, который возвратится в свое отечество, не вывезя золота».³⁴

Мария I и ее дядя король Испании Карл III заключили мирный договор, прекративший испано-португальскую войну 1776–1777 годов. Колония-дель-Сакраменто (португальская Колония-ду-Сакраменту) и весь современный Уругвай стали испанскими. В Бразилии сократилась добыча золота, но Лиссабон по-прежнему взимал фиксированный ежегодный налог. Местные влиятельные круги были недовольны. В 1792 году возник заговор в провинции Минас-Жерайс, который возглавил национальный герой Бразилии, вошедший в историю как Тирадентис (буквально: «Зубодер»). Заговор был раскрыт, Тирадентис казнен, часть заговорщиков сослана в Африку. В том же году Мария I была признана невменяемой, теперь от имени королевы правил ее сын Жуан (с 1799 — принц-регент, с 1816 — король).

В бразильской национальной мифологии с эпохой Марии I связывается рост национального движения. Это представление проникло и в российскую литературу. Между тем о собственно бразильском самознании в тот период можно говорить лишь с очень большой натяжкой.

³⁴ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 201–204.

Как заметил бразильский историк Борис Фаусту, «в рассматриваемый период восставшие определяли себя как жителей Минас-Жерайса, Баии, Пернамбуку или, в некоторых случаях, называли себя “бедняками” в той же мере (а то и больше), чем “бразильцами”».³⁵

В самой Португалии появились сторонники отказа от заморских владений. Например, Диогу Инасиу Пина Маники (1733–1805) писал, что «стремление людей к обогащению» вызвало настоящий исход из Португалии, что привело к сокращению ее населения и упадку сельского хозяйства.³⁶

Итоги реформ Помбала и последовавшего за ними «Поворота» до сих пор вызывают споры. Леонор Фрейри Кошта, Педру Лайнш и Сузана Мунк Миранда в «Экономической истории Португалии» писали:

В какой мере институциональные изменения, введенные правительством Помбала, принесли долгосрочные результаты, не совсем ясно. Сомнения касаются экономических показателей страны в последние десятилетия восемнадцатого века, потому что свидетельства несколько противоречивы, особенно с 1790-х годов. С одной стороны, Португалия укрепила экономические связи с Атлантической системой после Семилетней войны (1754–1763), что привело к диверсификации торговых отношений страны с положительными последствиями для торгового баланса. С другой стороны, участие в продолжающихся международных конфликтах вызвало рост государственных расходов наряду с бюджетным дефицитом, так что в 1790-х годах Португалия впервые прибегла к выпуску бумажных денег. Это денежное новшество привело к росту цен и инфляции, от которых страдали все занятые в сельскохозяйственном секторе, но также пострадала и заработная плата. Имеются сведения о том, что уровень жизни накануне вторжения Наполеона был ниже, чем в середине века.³⁷

Соединенное королевство и империя со столицей в Рио-де-Жанейро

В 1801 году Португалия потерпела поражение в очередном, на этот раз кратковременном, конфликте с Испанией, которую поддержала Франция.

³⁵ Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М., 2013. С. 95.

³⁶ Paquette G. Imperial Portugal in the Age of Atlantic Revolutions: The Luso-Brazilian World, c. 1770–1850. Cambridge, 2013. P. 39.

³⁷ Costa L. F., Lains P., Miranda S. M. An Economic History of Portugal, 1143–2010. Cambridge, 2016. P. 10–11.

Так называемая «Апельсиновая война» завершилась для португальцев потерей крепости Оливенса и части Гвианы. Португалия до сих пор считает незаконной испанскую аннексию Оливенсы. В 1807 году Наполеон заключил с Испанией договор в Фонтенбло о разделе Португалии на королевство Северной Лузитании, королевство Алгарви и прочие земли, чья судьба оставалась неопределенной до конца войны. Согласно этому договору, все новые государства должны были находиться под протекторатом короля Испании, но без единого управления и воссоединения с испанской короной.³⁸ В том же году перед лицом надвигающейся внешней угрозы португальский двор эвакуировался из Лиссабона в Рио-де-Жанейро.

Свидетелями эвакуации были моряки из эскадры Сенявина. Русское описание этих событий заслуживает того, чтобы его привести полностью:

Бегства и удаления из отечества даже Коронованных Особ в наши времена сделались обыкновенными; но неслыханно и беспримерно в Истории, чтобы Европейский Двор переселялся в другую часть света. Это случилось с Двором Португальским. Его привязанность к Англии и бестолковая система наблюдать неутралитет в такое время, когда обстоятельства и положение всего переменилось, произвели оное чудное приключение.

[...] Принц Регент Португальский, по требованию Великобританского Двора, когда наступали уже самые критические минуты, и когда Генерал Жюно был уже на два часа расстояния от Лиссабона, произвел в действие свое намерение, в котором многие Особы ему не верили. Он оставил отеческий, наследственный Престол, Европейское Королевство, и с Супругою своею, дочерью теперешнего Короля Гишпанского — с семью детьми своими, с матерью и двумя ее сестрами и с знатнейшими Особами Двора своего и Министерства, отправился 29-го Ноября из Лиссабона в Бразилию на своем Португальском флоте, учредив наперед в оставляемой столице временное Правительство, и в прокламации изъяснив обстоятельства, принудившие его, до заключения всеобщего мира, удалиться в Американские свои области.

Спустя один день, 30-го Ноября, во время оркана, сопровождаемого небольшим землетрясением, Генерал Жюно имел свой въезд в Лиссабон, где он прежде был Французским Посланником; день, с которого начинается новая эпоха Португаллии, так как с другой стороны основание Европейского Двора в Южной Америке может иметь чрезвычайные следствия.³⁹

³⁸ Текст договора см., например: *Traité de Fontainebleau (1807)*. URL: [https://fr.wikipedia.org/wiki/Traité_de_Fontainebleau_\(1807\)](https://fr.wikipedia.org/wiki/Traité_de_Fontainebleau_(1807)) (дата обращения: 15.03.2017).

³⁹ Отъезд Португальского Двора в Бразилию. Вступление Французско-Гишпанской армии в Португаллию [sic] // Политический, статистический и географиче-

Совершенно иначе интерпретировал эвакуацию дома Браганса французский историк и политический деятель Луи-Адольф Тьер (1797–1877):

Династия Браганса, состарившаяся, как и соседствующая династия испанских Бурбонов, погрязшая, как и они, в невежестве, вялости и малодушии, питала отвращение и к веку, в который происходили столь пугающие революции, и к самой земле Европы, служившей их театром. В своей постыдной мизантропии она доходила до желания удалиться в Южную Америку, территорию которой разделяла с Испанией. Лыстецы ее вульгарных склонностей непрестанно нахваливали ей богатства ее заморских владений, как расхваливают богачу, которого толкают к разорению, неизвестное ему имение. Они говорили, что не стоит труда защищать от притеснителей Европы скалистый и песчаный клочок португальской земли, тогда как по ту сторону Атлантики ее ждет великолепная империя, почти такая же огромная, как вся эта жалкая Европа, которую не могут поделить меж собой миллионы жадных солдат; империя, богатая золотом, серебром и алмазами, в которой можно обрести покой, не опасаясь никаких врагов. Бежать из Португалии, предоставив англичанам и французам сколько угодно поливать своей кровью ее бесплодные берега, а португальскому народу — заботу самостоятельно защищать его независимость, если он ей еще дорожит, — таковы были постыдные планы, которыми успокаивали свои страхи регент Португалии и его семья.

[...] [Наполеон] ничего не имел против тайных, но известных ему, планов семьи Браганса удалиться в Бразилию; ибо, к несчастью, после Копенгагенской катастрофы его мысли приняли совсем другой оборот: вторжение в Португалию имело целью уже не окончательное закрытие континентального побережья, а полный захват. Поэтому Наполеон решил захватить Португалию, договорившись лишь с Испанией и даже используя ее, дабы ее революционизировать; ибо она ему не нравилась, она стесняла и возмущала его в ее нынешнем состоянии не менее, чем неаполитанский и лиссабонский дворы, которые он уже согнал или собирался согнать с их зашатавшихся тронов. Так было положено начало величайшим ошибкам и несчастьям этого правления. Сердце сжимается при приближении к рассказу об этих мрачных событиях, ибо они стали началом несчастий не только одного из самых необыкновенных и обольстительных людей, но и Франции, увлекаемой вместе с ее героем к ужасающему падению.⁴⁰

ский журнал, или Современная история света на 1807 год. Декабрь 1807. Ч. 4. Кн. 3. С. 246–248.

⁴⁰ Тьер Л. А. История Консульства и Империи. Кн. 2. Империя. Т. 2. М., 2014. С. 92–93.

Почти вся Португалия была оккупирована французскими войсками. Реальную власть в стране осуществлял генерал Жюно при поддержке испанцев и португальцев-франкофилов. Жюно сформировал новое правительство, в котором количество министров-французов и министров-португальцев было одинаковым.⁴¹ В 1808 году весь полуостров охватило антифранцузское восстание. Испанцев и португальцев поддержали английские войска, которыми командовал Артур Уэлсли (будущий первый герцог Веллингтон).

Португалия лишь формально оставалась независимой страной. Португальский историк Оливейра Маркиш писал:

С 1808 по 1821 год страна превратилась либо в английский протекторат, либо в бразильскую колонию (*quer um protectorado inglês quer uma colónia brasileira*). Центральное правительство оставалось в Рио, в Португалии функционировало только регентство. Бразилия была провозглашена королевством, объединенным с Португалией. Бересфорд получил полные полномочия для организации обороны, что на самом деле означало верховное руководство страной. Британские офицеры служили в национальной армии, которая стала полностью английской по своей организации. Король дон Жуан VI (дона Мария I умерла в 1816 году) не проявлял желания вернуться в Европу. Принцы оказались больше бразильцами, чем португальцами, поскольку самому старшему было девять лет, когда он покинул Португалию. Регентство сохранило прежние методы управления, не проявляя готовности адаптировать их к современным идеям. Продолжалось жестокое преследование всех либералов. По всей стране недовольство против короля, англичан и регентства сопровождалось плачевным экономическим и финансовым положением.⁴²

Важно, что представление о Португалии как о колонии Бразилии в то время широко обсуждалось самими португальцами. В 1815 году было провозглашено создание Соединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви (точнее, обоих Алгарви, Reino Unido de Portugal, Brasil e Algarves, хотя к тому времени португальцы давно утратили владения в Марокко). И в Бразилии, и в Португалии все активнее действовали либералы, некоторые из них выступали за провозглашение республики. В 1820 году в Порту началась революция, охватившая всю Португалию; бразильская провинция Гран-Пара заявила, что подчиняется Лиссабону, а не Рио-де-Жанейро. В 1821 году король Жуан VI по требованию корте-

⁴¹ Нечаев С. Ю. Три Португальских похода Наполеона. М., 2009. С. 19.

⁴² Oliveira Marques A. H. Breve história de Portugal. Lisboa, 1995. P. 400.

сов вернулся в Португалию, захватив с собой казну; на следующий год была принята либеральная конституция. 9 января 1822 года португальский регент в Бразилии (сын короля Жуана VI) дон Педру отказался подчиниться кортесам и вернуться в Лиссабон, заявив: «Скажите народу, что я остаюсь!» В свою очередь, португальские кортесы объявили правительство дона Педру незаконным. 7 сентября 1822 года на политической карте мира возникла еще никем не признанная Бразильская империя. В 1824 году дон Педру, именовавший себя «Милостью Божией Императором бразильцев», направил письмо с выражением повиновения (*Carta de Obediencia*) «Верховному монарху Христианской республики Льву XII».⁴³ Таким образом, самопровозглашенный император претендовал на статус вассала папы римского.

При посредничестве Великобритании были урегулированы отношения между королевской Португалией и императорской Бразилией. Император Педру I согласился выплатить португальский долг Англии и заплатить своему отцу, королю Жуану VI, за собственность, перешедшую к Бразилии. В 1825 году был подписан мирный договор в Рио-де-Жанейро; Португалия признала независимость Бразильской империи.

Проданная библиотека, гражданские войны и упадок Португалии

После отделения Бразилии португальское королевство, казалось бы, избавилось от «ресурсного проклятия»; африканские и азиатские владения тогда не приносили сколько-нибудь существенных доходов. Однако, вопреки широко распространенному мнению, пример Португалии показывает, что государство, лишённое ресурсной базы, рискует окончательно деградировать, пребывая в состоянии перманентной тоски (знаменитое португальское «саудаде»). Если вспомнить известную басню о двух лягушках, попавших в кувшин с молоком, можно сказать, что династия Браганса не собиралась барахтаться и «сбивать масло», а предпочитала заниматься текущими делами, то есть, по сути, тонуть, «сложив лапки». Короли по-прежнему проводили время в охоте и строительстве экстравагантных дворцов. На протяжении XIX века развитие страны носило

⁴³ D. Miguel I: obra a mais completa e concludente que tem apparecido na Europa sobre a legitimidade e inaufervéis direitos do senhor D. Miguel I. ao throno de Portugal. Lisboa, 1828. P. 91.

имитационный характер. Заимствования имели место лишь потому, что они уже были известны в Лондоне и Париже.

Символом поражения Португалии во «втором тайме» модернизации можно считать судьбу Королевской библиотеки. Старая библиотека португальских королей погибла во время землетрясения 1755 года. Король Жозе I (или Помбал от его имени) восстановил библиотеку. Правящая семья отдавала себе отчет в ее ценности, и поэтому библиотека была эвакуирована в Бразилию вместе с королевской казной. Принц-регент Жуан вместе с первой партией книг прибыл в Рио-де-Жанейро 7 марта 1808 года. Вторая партия, упакованная в 230 ящиков, прибыла в Бразилию в середине 1810 года. Согласно Дополнительному договору о мире и дружбе от 29 августа 1825 года, Португалия отказалась от прав собственности на Королевскую библиотеку за компенсацию в размере двух миллионов фунтов стерлингов.⁴⁴ Отказ от ценнейшего книжного собрания можно объяснить сложностью транспортировки, но более вероятно, что молодое бразильское государство рассматривало библиотеку как один из символов независимости; португальский двор больше интересовали не книги, а деньги от их продажи.

Король Португалии и Алгарви Жуан VI носил титул императора Бразилии до своей смерти в 1826 году. Сын Жуана VI дон Педру (император Бразилии Педру I, а в 1826–1834 годах – король Португалии Педру IV) отрекся от престола в пользу своего родного брата Мигела (Мигел I, король Португалии в 1828–1834 годах) при условии брака между Мигелом и дочерью дона Педру Марией. Кроме того, Мигел должен был править Португалией как конституционный монарх. Брак между дядей и племянницей не состоялся, начались так называемые Мигелистские войны (1823–1834) между консерваторами и либералами. Странники дона Педру контролировали Азорские острова и север страны, включая вечно мятежный Порту. Мигелисты удерживали столицу и южные провинции. Один из руководителей либералов в этот период, Жоан Карлуш Салданья, герцог ди Оливейра и Даун (1790–1876) был родным внуком маркиза ди Помбала. В 1834 году, после смерти Педру IV, к власти пришла королева Мария (Мария II да Глория, 1833–1853), ее супругом-консортом стал Фердинанд Саксен-Кобург-Готский (Фернанду II, 1816–1885).

Борьба между консерваторами и либералами продолжалась и после Мигелистских войн. Основная часть населения присоединялась к этой

⁴⁴ Подробнее см., например: *Schwarz L. M. A longa viagem da biblioteca dos reis: do terremoto de Lisboa à independência do Brasil. São Paulo, 2002.*

борьбе по самым разным причинам. Так, например, в 1846 году произошло восстание, связанное с запретом на похороны в церквях и требованием погребения на общественных кладбищах. В районах Алту-Минью и Траз-уж-Монтеш новый закон о погребениях воспринимался священниками и народом как антирелигиозный, отмеченный «печатью дьявола и масонства».⁴⁵ К концу XIX века в Португалии, особенно в Порту и Лиссабоне, усилилось республиканское и антиклерикальное движение, активизировались анархисты и социалисты, выступавшие за упразднение монархии.

Великобритания сохранила фактический контроль над Португалией и ее владениями. В африканских и азиатских колониях отношения между местными португальскими властями и британскими торговцами развивались независимо от желаний и решений Лиссабона. Без поддержки или нейтралитета Лондона большинство португальских владений могла постичь та же судьба, что и Бразилию. В свою очередь, европейскому обломку империи реально угрожала перспектива слияния с Испанией в рамках так называемой «Иберийской федерации», за которую выступали многие либералы в обеих странах.

Оценивая итоги развития Португалии в XIX веке, Леонор Фрейри Кошта, Педру Лайнш и Сузана Мунк Миранда писали:

Португалия начала [XIX] век как отсталая страна в европейском контексте и оставалась таковой к концу века. Но отсталость, или отклонение (divergence), не означала отсутствия изменений, и это один из наиболее значимых уроков, которые дал опыт этой страны в девятнадцатом веке.

[...] В отсталых странах, таких как Португалия, одной из основных особенностей либерального столетия было создание и консолидация государственных институтов, которые обеспечивали верховенство закона, позволяли создавать городскую и транспортную инфраструктуру и удовлетворяли важнейшие социальные потребности в области здравоохранения и образования. Эти новые задачи должны были финансироваться либо за счет повышения налогов, либо за счет увеличения внутреннего или внешнего долга. В контексте расширения финансовых рынков и доступа к иностранным источникам капитала обращение к иностранному кредитованию стало основным механизмом, используемым государством для поиска финансирования. В конечном итоге это стало ахиллесовой пятой либерального периода в Португалии, а также в других частях европейской периферии.

⁴⁵ Черных А. П. Португалия: Угасание великой империи // Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М., 2014. С. 380.

В 1891 году из-за финансового кризиса, который привел к частичному дефолту, внешние займствования прекратились, но вскоре после этого экономика восстановилась, а в течение двух оставшихся десятилетий продолжались индустриализация, изменения в сельском хозяйстве и общий, хотя и скромный, экономический рост.⁴⁶

Как всегда в Португалии, политический процесс шел рука об руку с развитием литературы. Во второй половине XIX века писатель Эса ди Кейруш (де Кейрош), часто именуемый вторым после Камюэнса классиком португальской литературы, резко критиковал в своих сочинениях и письмах плачевное состояние Португалии. Эса ди Кейруш неоднократно возвращался к размышлениям о надвигающейся на страну катастрофе. В 1878 году он писал Рамалью Ортигану:

Просто я хочу сильно ударить электрическим током огромную спящую свинью (я имею в виду Родину). Вы скажете:

Какой еще удар током! О, наивный! Свинья спит: Вы можете ударить ее книгами, сколько хотите; свинья будет спать. Судьба усыпляет ее и шепчет: «Спи, спи, свинья!»

Прекрасно: но я говорю Вам, что намерен делать я, а не страна; естественно, она будет спать и дальше: посмотрим. – Помимо скандала, мне нужны деньги [...] «Итак (donc), подведем итог: электрический шок для свиньи и деньги для ребенка (ребенок, это я)» (“*Donc*”, resumamos: choque eléctrico ao porco, e dinheiro para *bebé* (*bebé, c’est moi*)).⁴⁷

В цитируемом пассаже речь шла всего лишь о возможных доходах от будущей книги. Однако фраза об электрошоке для Родины оказалась востребованной в Португалии. Нередко ее цитировали журналисты и политики, размышлявшие о судьбах Португалии или всей Европы, хотя первоначально речь шла вовсе не о политике.

Крах империи и британский ультиматум 1890 года: «Конец Родины», или «Португалия не погибла»

К середине XIX века от имперского величия Португалии остались лишь отдельные анклавы, разбросанные по берегам Атлантического,

⁴⁶ Costa L. F., Lains P., Miranda S. M. An Economic History of Portugal, 1143–2010. Cambridge, 2016. P. 10–11.

⁴⁷ Eça de Queiroz, carta a Ramalho Ortigão de 10 de Novembro de 1878 // Queirós J. M. E. de. Correspondência. Lisboa, 1983. Vol. 1. P. 163–164.

Индийского и Тихого океанов, и несколько архипелагов (Азоры, Мадейра с прилегающими островами, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи). Польза от этих территорий была сомнительной, все они развивались (а чаще прозябали) почти независимо от метрополии. Ангола, Мозамбик и владения в зоне Гвинейского залива традиционно поставляли рабов в Бразилию. В 1815 году на Венском конгрессе было подписано соглашение между Португалией и Великобританией о запрете работорговли к северу от экватора. Британские эскадры задерживали корабли работорговцев и освобождали рабов. Так был положен конец процветанию треугольника Бразилия – Ангола – Гвинейский залив. Торговля рабами к югу от экватора продолжалась и после провозглашения независимости Бразилии в 1822 году.

Неудивительно, что в африканских владениях Португалии, и особенно в Анголе, возникла так называемая «бразильская партия», выступавшая за отделение от слабой европейской метрополии и союз с Бразилией.⁴⁸ Лишь политическое вмешательство Великобритании спасло Португалию от потери ее территорий в Африке. В бразильско-португальском договоре 1825 года, заключенном при британском посредничестве, содержалась специальная статья о колониях Португалии: «Его Императорское Величество [дон Педру I] обещает не принимать предложений от каких-либо португальских колоний о присоединении к Бразильской империи».⁴⁹ Прибрежные территории («литорал») в Африке превратились в почти бесполезные заморские задворки империи, которую укреплял Помбал.

Не менее печально складывалась судьба Государства Индия с центром в Гоа. Здесь по-прежнему правил вице-король, но по своему значению он был сопоставим с не самым влиятельным начальником округа в соседней Британской Индии. Можно утверждать, что португальские колониальные владения в Азии сохранились лишь потому, что не представляли особого интереса для британцев. Заморская Португалия уверенно продвигалась к полной деградации, заметной даже на фоне отнюдь не процветавшей метрополии.

Впрочем, еще не все погибло для подданных португальской короны. Жизнь по-прежнему кипела в Макао, центре контрабандной торговли и

⁴⁸ См., например: *Pantoja S. O litoral angolano até as vésperas da independência do Brasil // Textos de História. 2003. № 1–2. P. 187–216.*

⁴⁹ Цит. по: *Tratado do Rio de Janeiro (1825)*. URL: [https://pt.wikisource.org/wiki/Tratado_do_Rio_de_Janeiro_\(1825\)](https://pt.wikisource.org/wiki/Tratado_do_Rio_de_Janeiro_(1825)) (дата обращения: 15.03.2017).

азартных игр на стыке китайского Гуандуна и британского Гонконга. Благодаря опиумным войнам Португалия официально аннексировала Макао. В Африке португальцы развивали торговлю за пределами побережья, не обращая внимания на какие-либо официальные инструкции; сложилась особая группа «сертанежуш» (*sertanejos*), жителей сертана (*sertão*, множественное число *sertões* ‘внутриматериковые области’). Сертанежуш мало отличались от местного населения по образу жизни, но сохраняли католическую религию и португальский язык. Они торговали и с португальскими колониями, и с Занзибарским султанатом. Среди товаров были и черные рабы.

Об отношении британцев к португальской активности в Африке можно судить по высказываниям известного шотландского путешественника и миссионера Давида Ливингстона. Он писал о своей встрече с губернатором Келимане (в португальском Мозамбике):

Губернатор совсем не конфиденциально, а вполне откровенно сказал нам (здесь вообще принято говорить о горьких истинах), что здешние португальцы – жалкие подонки общества, совершенно опустившиеся из-за пьянства и лишённые какой бы то ни было предприимчивости [...]

Он высказывал замечательные идеи при полнейшем пренебрежении к простой деловитости и трудолюбию. У его ног в изобилии росло индиго 6 футов высоты; на расстоянии мили можно было найти первосортный хлопок, который распространился здесь, несмотря на то что в течение ряда лет сжигался; говорят, что в большей части дельты Замбези легко возделывать сахарный тростник. Но вместо того, чтобы извлекать практическую пользу из этих очевидных преимуществ, наши друзья, погружаясь в великолепные мечты о создании английскими капиталистами в Восточной Африке второй Ост-Индской компании, все время усердно вывозили рабочую силу на остров Бурбон⁵⁰ [...]

Губернатор упомянул об общеизвестном факте, что португальское правительство тратит на содержание колоний в Восточной Африке ежегодно 5000 фунтов; товаров оттуда в Лиссабон поступает мало или совсем не поступает, и ни один португалец не нажил себе здесь состояния и не вернулся на родину его тратить. Нельзя действительно не пожалеть, что государственные деятели, просвещенные люди, судя по издаваемым ими законам, являются посредниками в распространении такой нищеты в этой производящей рабов стране, на господство в которой они претендуют, и не допускают туда другие нации, когда сами не могут сделать ничего

⁵⁰ Прежнее название острова Реюньон в Индийском океане, принадлежащего Франции.

хорошего. Не является ли это слишком дорогой ценой за возможность чваниться в Европе, вызывая к себе ненависть всего христианского мира тем, что португальцы были первыми, начавшими заокеанскую торговлю рабами, и будут последними среди тех, кто ее оставил.⁵¹

Более позитивно отзывался о португальцах английский писатель, автор приключенческих и исторических романов Генри Райдер Хаггард. В его романе «Копи царя Соломона», впервые опубликованном в 1885 году, упоминается португалец Хозе⁵² да Сильвестра как предшественник британцев во внутренней части Африки (в 1590 году), и его положительный потомок Хозе Сильвестр. Впрочем, тут же упоминаются и «плохие португальцы» из Мозамбика:

Надо сказать, что я хорошо знаю португальцев из Делагоа, — нет на земле худших дьяволов, жиреющих на крови и страданиях своих рабов.

Но этот человек резко отличался от тех, с которыми я привык встречаться. Он больше напоминал мне вежливых испанцев, о которых мне приходилось читать в книгах (“Now I know your Delagoa Portugee well. There is no greater devil unhung, in a general way, battenning as he does upon human agony and flesh in the shape of slaves. But this was quite a different type of man to the low fellows I had been accustomed to meet; he reminded me more of the polite dons I have read about”).⁵³

В оригинале речь идет о «вежливых донях», которые могли быть и испанцами, и португальцами. Характерно, что старый Хозе назван в романе не просто португальцем, а «политическим эмигрантом из Лиссабона» (в оригинале — «политическим беженцем», “a political refugee from Lisbon”). На английский язык документ об открытии Хозе да Сильвестры перевел «пьяный старый португальский торговец», который «забыл его содержание на следующее же утро» (“a drunken old Portuguese trader who [...] had forgotten all about it next morning”).⁵⁴

Еще более отталкивающий образ сертанежуш создал великий французский писатель Жюль Верн. В «Пятнадцатилетнем капитане» представлены вызывающие отвращение Негоро и Коимбра, а также при-

⁵¹ *Ливингстон Д., Ливингстон Ч.* Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 гг. М., 1956. С. 89.

⁵² Более точное чтение португальского имени — Жозе (José).

⁵³ *Haggard H. R.* King Solomon's mines. London, 1901. P. 15–16; *Хаггард Г. Р.* Копи царя Соломона. Прекрасная Маргарет. М., 2003. С. 27.

⁵⁴ *Ibid.* P. 18–19; там же. С. 29–30.

нявший португальское имя черный работорговец Алвиш (в русском переводе — Альвец). Алвиш и Коимбра — имена реальных лиц, заимствованные из книги английского путешественника Верни Ловетта Камерона, на которого ссылается Жюль Верн:

Эти преступления, совершенные в центре Африки людьми, которые кичливо именуют себя христианами, считают себя португальцами, покажутся невероятными жителям цивилизованных стран. Не может быть, чтобы лиссабонское правительство знало, какие чудовищные вещи творят люди, прикрывающиеся флагом Португалии и называющие себя ее подданными (в английском оригинале у Камерона: “Indeed, the cruelties perpetrated in the heart of Africa by men calling themselves Christians, and carrying the Portuguese flag, can scarcely be credited by those living in a civilized land ; and the Government of Portugal cannot be cognizant of the atrocities committed by men claiming to be her subjects”).⁵⁵

Многие сертанежуш были преступниками, сосланными в Африку из Бразилии и Португалии. В то же время именно их экспансия во внутренних районах материка стала основанием для колониальных притязаний Португалии во второй половине XIX века. Одновременно на традиционную зону португальской торговли (включая работорголю) претендовали другие европейские страны и США. По заказу бельгийского короля Леопольда в Лондоне и Париже был издан «Меморандум касательно португальских прав и претензий на суверенитет на западном побережье Африки».⁵⁶ В этом меморандуме особое внимание было уделено принципу эффективной оккупации как основы суверенных прав на африканские территории. В 1884–1885 годах в Берлине была проведена конференция, на которой европейские державы договорились о разделе Африки исходя из принципа эффективной оккупации. В заключительный акт Берлинской конференции вошли, в частности, «Декларация относительно нейтральности территорий, включенных в договорный бассейн реки Конго» и «Декларация, коей в международных сношениях

⁵⁵ Верн Ж. Пятнадцатилетний капитан // Верн Ж. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. М., 1957. С. 410; *Cameron V. L. Across Africa*. London, 1877. Vol. 2. P. 137.

⁵⁶ *Banning É. Mémoire sur les droits et les prétentions du Portugal à la souveraineté de certains territoires de la côte occidentale de l’Afrique*. Paris, 1883; английский перевод: *Banning É. Memorandum concerning the Portuguese rights and pretensions to sovereignty on the West coast of Africa*. London, 1883.

устанавливаются однообразные правила для будущих завладений на берегах Африканского материка».⁵⁷

Между тем Лиссабон добивался признания исторических прав Португалии. Если исходить из максимального представления о таких правах, португальской могла стать едва ли не вся Африка. В 1886 году к пограничным соглашениям с Францией и Германией была приложена знаменитая «розовая карта» (*mapa cor-de-rosa*). На этой карте розовым цветом были закрашены обширные территории между Атлантическим и Индийским океанами. По мнению Лиссабона, все внутренние области между Анголой и Мозамбиком были португальскими. Речь шла о территориях современных Зимбабве, Замбии и Малави, богатых природными ресурсами. Кроме того, гипотетическая «Португальская Африка от моря до моря» прямо противоречила британским планам экспансии от Кейптауна до Каира.

Для подкрепления своих притязаний португальские власти организовали несколько экспедиций, но и они не произвели впечатления на британцев. В конечном счете дело дошло до предъявления ультиматума. 11 января 1890 года Великобритания потребовала, чтобы Португалия отказалась от попыток освоения внутренних районов Африки.

Параллельно была развернута информационная кампания в самой Великобритании. Уже упоминавшийся британский путешественник Камерон писал:

Португалия должна выбирать из двух зол. Если она владеет территориями, на которые претендует, то виновна, в лице ее торговцев и чиновников, в худших формах работорговли; если же эти люди не были ее чиновниками, не находились под ее контролем, не были ее подданными, у нее нет ни малейшей основы для утверждения, что их путешествия и проживание в африканских странах дают ей право на суверенитет над этими странами.

[...] Мы должны помнить, что это не только вопрос поддержания британских прав, которые мы должны охранять самым ревностным образом, но также и вопрос о будущем туземных рас Африки, попадут ли они под нежное попечительство таких людей, как Алвиш, Балтаззи, Коимбра и другие, или же они окажутся под покровительством британского флага, под которым, как мы гордо заявляем, каждый человек является свободным.⁵⁸

⁵⁷ Заключительный акт Берлинской «Африканской» конференции. Берлин, 14/26 февраля 1885 года. Цит. по: URL: <http://istmat.info/node/27251> (дата обращения: 10.03.2017).

⁵⁸ *Cameron V. L. Portuguese claims in Africa // The National Review. January 1890. Vol. 14. P. 591.*

Португальское правительство приняло ультиматум 1890 года, несмотря на общественное недовольство в стране. Местные политики и газеты говорили о предательстве со стороны исторического союзника, о попрании договора 1386 года. Главный итог ультиматума – осознание глубины «дыры», в которой оказалась Португалия к концу XIX века. Символом трагедии стали события в Анголе. 1 апреля 1890 года, получив известие об ультиматуме, торговец и путешественник Антониу Франсишку Феррейра да Силва Порту (1817–1890) просто сел на бочку с порохом, вернулся в португальский флаг и подорвал себя; на следующий день мужественный сертанежу умер от ожогов. Сравнить ощущения португальцев в 1890 году, вероятно, можно, например, с чувствами поляков в эпоху Первого раздела Речи Посполитой. Страна еще существовала, но и враги, и прежние союзники были готовы к «распилу» ее территории.

Протесты не имели смысла, оставалось лишь, по португальскому обычаю, обратиться к поэзии и музыке. Поэт Абилиу Мануэл ди Герра Жункейру (1850–1923), живший в Порту, принадлежал к тогдашним семидесятиникам (*Geração de 70*). В 1891 году он опубликовал стихи, вошедшие в цикл «Конец Отчизны» (“*Finis Patriae*”).⁵⁹ В книгу вошли также стихотворения «Охотник Симон» (“*O caçador Simão*”) и «К Англии» (“*À Inglaterra*”, начинающееся словами «О циничная Англия, о пьяная бесстыдница»). В них автор осуждал короля за бездействие и страстно проклинал враждебную державу. В то же время в стихотворении «К Англии» с симпатией упомянуты «десять стран, идущих за Францией», Америка и (косвенно) Россия, а также борющаяся Ирландия:

И ты останешься одна на своем нормандском острове
Со своими феодальными баронами и голыми нищими:
Твою грудь будет пожирать горящий рак, Ирландия [...]
Банки, доки, тюрьмы, арсеналы, памятники,
Все взлетит на воздух! ...
И на бурный рев твоих последних причитаний
Ответят — лая! гневные ветра!
Ответят — плюя! морские буруны!

Поэт в Португалии бесспорно больше, чем поэт. Стихи Герры Жункейру способствовали разрушению остатков уважения к португальской монархии. В 1966 году его тело было торжественно перенесено в Национальный пантеон в Лиссабоне.

⁵⁹ *Guerra Junqueiro A. Finis Patriae. Porto, 1891.*

В ответ на британский ультиматум был создан и нынешний гимн страны — «Португеза» (“A Portuguesa”). Он получил официальный статус в 1911 году, вскоре после провозглашения республики. Португальский национальный миф, воплощенный в гимне, начинается словами: «Герои моря, благородный народ, отважная и бессмертная нация...»; в тексте также упоминаются Европа и весь мир: «Крихнет Европа всей земле: Португалия не погибла». В одной из версий припева слова «Против орудий вперед, вперед!» были заменены призывом к борьбе против исторического союзника («Против британцев вперед, вперед!»).⁶⁰

И вновь не погибла Португалия

Как показал «второй тайм» португальской модернизации, осознанное стремление к трансформации общества может дать те же результаты, что и неосознанный порыв: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Начиная с 1755 года, Помбал и его эпигоны пытались разбудить спящую Португалию, но она снова и снова возвращалась к прежнему состоянию одной из наиболее отсталых стран Европы.

Как и во времена «первой глобализации», колоссальную негативную роль играли постоянные внешние факторы. Соседнее испанское государство при первом удобном случае стремилось присоединить Португалию, как в 1581 году.

Маркиз ди Помбал, железной рукой проводивший «имперскую» модернизацию, ориентировался на Францию. Однако победа помбализма не избавила страну от исторических связей с Англией. Без британцев португальская экономика попросту не могла развиваться; без поддержки Лондона никакое правительство в Лиссабоне не могло удержать заморские владения. Кроме того, в начале XIX века выяснилось, что и Франция прелестна лишь на расстоянии. География имеет значение — оказавшись в Мадриде, французы вели себя по отношению к Лиссабону так же, как и сами испанцы. Франция и зависимая от нее Испания договорились о разделе Португалии. Крах начинаний Наполеона означал гибель или изгнание для наиболее активных португальских либералов и франкофилов. Британцы вернулись в Лиссабон как оккупанты и отнюдь не стремились к политическому и экономическому возрождению ослабев-

⁶⁰ Слова, музыку и русский перевод «Португезы» см., например: URL: <http://discoveric.ru/anthem/portugaliya> (дата обращения: 15.03.2017).

шего союзника. Гражданские войны и революции еще больше ослабили Португалию.

И все же старания Помбала и его эпигонов не остались совершенно безрезультатными. Гигантское, но непрочное политическое объединение превратилось в подлинную колониальную империю. Благодаря помбализму Лиссабон обрел современный облик, опередив другие города Европы. Наконец, реформы в американских владениях привели к созданию единой и независимой Бразилии, одной из важнейших стран современности.

Третья, собственно национальная модернизация Португалии произошла в XX веке. Ее предварительными итогами стали отказ от всех колоний и присоединение к единой Европе (в отличие от 1581 года, без военного вмешательства извне). Представления о величии Португалии тем не менее не были утрачены. На смену мифу о великой колониальной империи пришла концепция единого лузофонного (португалоязычного) мира. Можно ли считать, что Португалия выиграла в «третьем тайме» модернизации? Пока это не вполне ясно и для самих португальцев, о чем хорошо сказано в аннотации к одному из недавних изданий «Родины» Герры Жункейру:

Из всех произведений, написанных Геррой Жункейру, «Родина», несомненно, имела наибольшее влияние в свое время и до сих пор, более века спустя с момента ее первой публикации в 1896 году, остается живой и актуальной. В политическом и социальном плане, если исключить различия в режиме и управлении и смутный период, который привел к падению монархии и установлению республики, есть много похожего с сегодняшним днем в том, что касается форм политической деятельности и завоевания власти вопреки общественным интересам и благосостоянию, а также той пассивности, с которой самое обездоленное население принимает растущее социальное и экономическое неравенство. Если во времена монархии страна находилась в состоянии деградации и разрушения, то что сказать о нынешней Португалии? О стране без подлинной самостоятельности в управлении и экономической независимости, подчиненной Европейскому Союзу, в котором господствуют богатые страны? Поскольку мы — португальцы — гораздо больше, чем европейцы, то остается все тот же вопрос: куда пропали совесть Родины и гордость за то, что мы португальцы (*o orgulho de ser português*), которые так превозносил Камонс в своей эпической поэме «Лузиады» и утверждал в другом лирическом регистре Герра Жункейру?⁶¹

⁶¹ Pátria de Guerra Junqueiro. Edição: Vega, julho de 2010. Sobre o livro. Sinopse. URL: <https://www.wook.pt/livro/patria-guerra-junqueiro/9581656> (дата обращения: 15.03.2017).

Николай Добронравин

**Второй тайм португальской модернизации:
от Великого землетрясения
до британского ультиматума**

Препринт М-65/18

В авторской редакции
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 6/1
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 16.04.18.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

- Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.
- Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.
- Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.
- Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.
- Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.
- Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.
- Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
- Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.
- Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.
- Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.
- Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.
- Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.